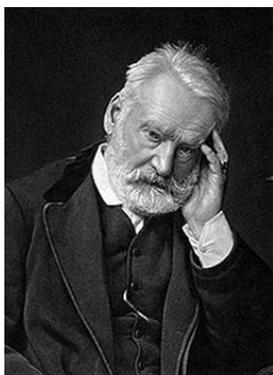

ЕПИСКОП ОТВЕРЖЕННЫХ

*Лидерство с перспективы Виктора Гюго**

Виктор Гюго

И дам вам пастырей
по сердцу Моему,
которые будут пасти
вас со знанием и
благоразумием...

Иеремия 3:15

Жить и сгорать у всех
в обычае,
Но жизнь тогда лишь
обесмертишь,
Когда ей к свету и
величию
Своею жертвой путь
прочертишь.

Борис Пастернак

ПУТЬ НА ВЕРШИНУ — это восхождение на Голгофу, а не на пьедестал. И чем выше вершина, тем тяжелее крест...». Я встретил это высказывание в одной из книг, читая о карьерах и падениях, почестях и отвержении, бескорыстных священниках и современных «гуру», смиренном служении и культе личности. Если сказанное «берет за живое», если при этом горит сердце — значит, сказано так, как надо. И я размышлял о духовном подвижничестве и освящении, о чистом и верном служении, честном и простом образе жизни. Анализировал жизнь свою несовершенную, о незрелости души скорбел, реформации церкви чаял... Думал о христианстве нашем и о нас — священниках Бога Всевышнего не только в церкви, но и на уровне «прихода» своей семьи, собственной души. И где-то в глубине моего сознания всплыли строки из стихотворения Александра Пушкина «Пророк»: «Исполнишь волею Моей и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей».

* По роману Виктора Гюго «Отверженные».

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Глубоко духовный по замыслу роман Виктора Гюго «Отверженные» является шедевром мировой литературы. Нравственное влияние «Отверженных» неоспоримо. С первых же строк романа читатель погружается в атмосферу животворной любви. Прощение и милосердие, торжество добра над злом и света над тьмой, спасение отверженных — красной нитью эти идеи проходят через весь сюжет. Среди отверженных, оказавшихся на дне общества, и Жан Вальжан, осужденный на девятнадцать лет каторги за то, что украл хлеб для своей голодающей семьи, и маленькая сирота Козетта, и дитя парижских улиц Гаврош...

Но есть еще один яркий образ в романе Виктора Гюго, который заслуживает пристального внимания. В первой части «Отверженных» писатель рассказал трогательную историю жизни и служения необычного священника, может быть даже несколько «странного» с точки зрения современного менталитета. Речь идет о старике, лет семидесяти пяти, по имени Мириэль. Местные бедняки, руководимые любовью к своему епископу, из всех его имен выбрали то, которое показалось им наиболее исполненным смысла. Они называли его не иначе, как монсеньор Бьенвеню, что в переводе с французского означает «желанный гость». Сам Мириэль называл себя по-другому — «бывший грешник».

ДЕНЬ ЕПИСКОПА БЫЛ ДО КРАЕВ ПОЛОН ДОБРЫХ МЫСЛЕЙ, ДОБРЫХ СЛОВ И ДОБРЫХ ПОСТУПКОВ

Человек интуитивно, особым внутренним чувством воспринимает истинных пастырей; подсознательно, сердцем тянется к тем, кто близок к Богу. Вчитываясь в гениальные строки знаменитого писателя, поражаешься, насколько по-евангельски, глубоко и ясно, показаны духовные качества истинного епископа-слуги, героя веры своей эпохи. В наши дни психологи и консультанты по менеджменту затрачивают огромные усилия, чтобы открыть миру влиятельных и авторитетных лидеров. Христиане разрабатывают собственные модели лидерства. Но авторитет «епископа отверженных» базировался не только на учении и опыте. Его лидерские качества были глубоко духовными по своей сущности, поэтому выглядели естественными, исходили изнутри, из сердца. Никакого искусства, ничего показного и театрального. Епископ не напрягался, чтобы изобразить праведника — он им был. Как духовный пилигрим Мириэль смиренно шел по следам своего Спасителя, по следам Христа, явившегося в мир не для того, «чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10:45). Как и Христос, епископ «явил делом, что, возлюбив Своих, находящихся в мире, до конца возлюбил их» (Ин. 13:1).

«Молитва, богослужения, милостыня, утешение скорбящих, возделывание уголка земли, братское милосердие, воздержанность, гостеприимство, самоотречение, упование на Бога, наука и труд заполняли все дни его жизни. Именно заполняли, ибо день епископа был до краев полон добрых мыслей, добрых слов и добрых поступков».

Эти простые строки заставляют нас задуматься о том, как мы живем. Что или кто заполняет мою личную жизнь? Чем я «живу и двигаюсь»? Есть ли у меня ясная мечта, к которой я стремлюсь так, что стоит отдать за это всю жизнь? Серен Кьеркегор (XIX в.) в своей работе «Бесконечная пропасть» написал: «Главное – понять самого себя, увидеть, что Бог хочет, чтобы я сделал, понять, что является истиной... найти идею, ради которой я мог бы жить и за которую я мог бы умереть... Уберите совесть, тревожащую вас, – и вы можете закрыть церкви и превратить их в танцевальные залы...».

К сожалению, современные люди осуетились настолько, что им и дышать некогда. В аллегорическом произведении «Путешествие пилигрима» Джон Буньян очень ярко изобразил «ярмарку суеты», на которой «круглый год шла торговля всевозможными предметами суеты. Купить там можно все: дома, имения, фирмы, ремесла, должности, почести, титулы, чины, звания, страны, царства, страсти, удовольствия и всякого рода плотские наслаждения... Выбор серебра, золота, жемчуга, дорогих камней огромен! На этой ярмарке толпами бродят во всякое время фигляры, шулеры, картежники и бродячие артисты, безумцы, плуты и мошенники всякого рода. Круглосуточно можно созерцать всевозможные зрелища...».

Но не только зрелища, жажда наживы и суетный материализм завладели мышлением современного человека. Праздность, незанятость и леность – это страшные пороки души. Люди проводят дни «в гордости, пресыщении и праздности», «руки бедного и нищего не поддерживают» (Иез. 16:49-50). Но «кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4:17). Нередко даже внешний вид, «выражение лиц их свидетельствует против них» (Ис. 3:9); «на работе человеческой нет их... Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость, как наряд, одевает их... бродят помыслы в сердце, над всем издеваются... говорят свысока...» (Пс. 72:5-9). Честь, стыд и приличие стали проявлением слабости и наивности, ушли в историю. Современные люди научились краснеть: и когда воруют, и когда лгут... Крутятся, как белка в колесе, блуждают в лабиринтах порочной социальной системы. Но это – не жизнь. Это – существование с мрачными перспективами в вечности.

Зов совести все глуше, глуше,
 Забыты напрочь Небеса.
 Кто нынче борется за души?
 Идет борьба за голоса...

Иудина болезнь уже не в стыд:
 В любой игре – рога тельца злого.
 Кто ныне честь, достоинство хранит?
 Какая честь, коль ничего святого!

Иеромонах Роман

ДВЕРЬ СВЯЩЕННИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ВСЕГДА ОТПЕРТА

Епископ отверженных был добрым человеком и нес эту доброту ближним каждый день. Он заботился о больнице для бедных, раздавал подаяние

нищим и обездоленным, в то время как сам был весьма непритязательным: ходил пешком, носил потертую рясу, питался хлебом и молоком, самостоятельно возделывал свой сад. На дверях его дома не было запоров, днем и ночью мог постучаться в них и богач, и бедняк, чтобы оставить или принять милостыню. Краткие заметки, написанные им на полях Библии, поясняют суть его служения: «Дверь врача никогда не должна запирается, дверь священника должна быть всегда открытой». И действительно, дом епископа стал своеобразной «тихой пристанью», «духовной родиной» для его «овец». Относясь к людям с теплотой и заботой, он лечил их душевные раны, утолял боль сердца и устранил отчужденность:

Будь слеп для слабостей чужих!
Будь в чувстве гордости убогим;
И очень кроток для других,
И для себя будь очень строгим.

Федор Глинка

И он не печалился о том, что мир не знает его. О неприкаянности душ человеческих сокрушался епископ, к отверженным и забытым устремлялось его сердце... По-отцовски поступал епископ, по-отцовски служил ближним, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», за братьев своих, за детей своих. Человек не может жить без любви, он задыхается без нее, нравственно умирает. От недостатка Божьей любви все наши беды — наркомания, пьянство, распутная жизнь, брошенные дети... Без любви человек умирает заживо.

Печатью разумности отмечена жизнь благодатных пастырей. От общения с ними «горит сердце». В кругу таких пастырей можно обрести и совет, и помощь. Духовный восторг посещает души тех, кто пребывает в общении с ними. Невидимая духовная сила исходит от Божьих людей, укрепляя немощных и слабых, просветляя помутненное грехом сознание, вселяя веру в сердца сомневающихся. Разумные и святые пастыри излучают некие Божественные волны животворной энергии, от которых на душе становится тепло и радостно. Мы внутренне обогащаемся и обретаем «крылья духа» от их благодатных слов. Светлый взгляд Божьих пастырей согревает и вселяет оптимизм. Дух Святой, «дух премудрости и разума» (Ис. 11:2) пребывает на Божьих пастырях, и в этом их сила...

ОН БЛАГОСЛОВЛЯЛ, И ЕГО БЛАГОСЛОВЛЯЛИ

«Каждый мог в любое время дня и ночи позвать епископа Мириэля к изголовью больного или умирающего. Он понимал, что это и есть важнейшая его обязанность и важнейший его труд. Осиротевшим семьям не приходилось просить его, он являлся к ним сам. Он целыми часами молча просиживал рядом с мужем, потерявшим любимую жену, или с матерью, потерявшей ребенка. Но, зная, когда надо молчать, он знал также, когда надо говорить. О, чудесный утешитель! Он не стремился изгладить скорбь забвением, напротив, он старался углубить и просветлить ее надеждой... Всюду, где бы он ни появлялся, наступал праздник. Казалось, он приносил

с собою свет и тепло. Дети и старики выходили на порог навстречу епископу, словно навстречу солнцу. Он благословлял, и его благословляли. Каждому, кто нуждался в чем-либо, указывали на его дом... Время от времени он останавливался, беседовал с мальчиками и девочками и улыбался матерям... Пока у него были деньги, он посещал бедных, когда деньги иссякали, он посещал богатых».

Виктор Гюго показывает образ духовного служителя, который «не плыл по течению», но, как Моисей, жил внутренней верой и, «как бы видя Невидимого, был тверд» (Евр. 11:27) и постоянен в бескорыстном служении людям. Герой «Отверженных» следовал по «узкому пути» за своим Спасителем, Который пришел, чтобы «вызвать и спасти погибшее» (Лк. 19:10), принял образ раба, чтобы «благовествовать нищим... исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым – прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лк. 4:18).

В «Церковной истории» Евсевия Памфила описан практически антипод епископа «Отверженных». Речь идет о священнике Павле Малхионе: «Веру он считает средством для наживы. Он высокомерен и горделив, получает мирские звания... красуется на площадях, выказывает презрение к окружающим... Церковные собрания он превратил в диковинные представления; гонясь за славой, поражает воображение и потрясает чистые души... Ему нужно иметь людей в полной зависимости».

Но Евсевий оставил нам и другой пример – удивительный рассказ о старце Иоанне. Вернувшись после смерти императора Домициана с острова Патмос в Ефес, великий апостол, придя в один город, водворил спокойствие среди братьев и, заметив юношу красивого и пылкого, обратился к тамошнему епископу: «Я целиком верю его тебе пред лицом Церкви и Христа». Епископ взял к себе юношу, содержал его, опекал, оберегал и, наконец, окрестил. Однако вскоре он стал менее заботлив и менее охранял вверенного, пристального внимания лишил... К юноше же, преждевременно выпущенному на волю на погибель ему, пристали сверстники – отъявленные бездельники... Сначала они водили его с одного роскошного пира на другой, затем повели ночью на воровство... Юноша постепенно свернул с прямой дороги и понесся прямо в пропасть... Он собрал разбойничью шайку и стал ее главарем...

Через некоторое время апостол вновь посетил церковь в Ефесе. «Теперь отдай нам, епископ, залог, который я и Христос вверили тебе, чему свидетельницей церковь, которой ты управляешь», – обратился он к пастырю. Епископ сначала испугался, думая, что его ложно обвинили в похищении денег, которых он не брал... «Юношу и душу брата твоего требую», – властно произнес апостол. Тогда епископ застонал из глубины сердца: «Умер он... для Бога: законченный негодяй и, более того, разбойник...». И тогда старец-апостол разорвал на себе одежду и, громко стеноя, осыпал ударами свою голову: «Коня мне дайте и кого-нибудь в проводники...». И тут же поскакал от церкви...

Приехав, куда указали, старец был схвачен разбойниками, но не стал ни убегать, ни отпрашиваться, а кричал: «Я за тем и пришел: ведите меня к своему начальнику». Тот вооружился и стоял, поджидая его. Но, узнав подошедшего Иоанна, кинулся от стыда бежать. Иоанн, забыв свои лета, погнался за ним: «Дитя мое, что ты бежишь от меня, своего отца, от безоружного, от старого? Не бойся, есть у тебя еще надежда на жизнь! Я отвечу Христу за тебя; если нужно, смерть за тебя приму, как принял ее за нас Господь. Душу отдам за тебя». Разбойник слушал, потупившись, а затем вдруг бросил оружие и, содрогаясь в горьких рыданиях, обхватил подошедшего старца.... Слезами он крестился вторично...

ВСЕГДА БОЛЬШЕ НУЖДЫ ВНИЗУ, ЧЕМ БРАТСКОГО МИЛОСЕРДИЯ НАВЕРХУ

Когда священник Мириэль впервые прибыл в город, где ему предстояло управлять епархией, «его с почестями водворили в епископском дворце... и город стал ждать, как он проявит себя на деле».

«Дворец представлял собой огромное, прекрасное каменное здание... Это был поистине княжеский дворец. Все здесь имело величественный вид: и апартаменты епископа, и гостиные, и парадные покои, и обширный двор со сводчатыми галереями в старинном флорентийском вкусе, и сады с великолепными деревьями...».

Епископский дворец примыкал к больнице. Больница же «помещалась в тесном, низеньком двухэтажном доме, при котором был небольшой садик». Через три дня епископ не просто удивил своих наблюдателей — он их шокировал: все двадцать шесть больных из тесного домика были переведены в епископский дворец. Епископ же занял... больничного домика.

Но это было только началом. Мириэль не имел личного состояния, поскольку его семья была разорена во время революции. Как руководитель епархии он получил от государства содержание в пятнадцать тысяч ливров. Так вот, перебравшись в больницу, он в тот же день, раз и навсегда, распределил четырнадцать тысяч ливров на помощь бедным, миссионерам, лазаретам, духовным учебным заведениям, обществам призрения сирот, благотворительным обществам по работе с заключенными и подобные нужды. Себе же на личные расходы он оставил лишь тысячу! А когда он получил дополнительные деньги (три тысячи ливров) на содержание городского экипажа и поездки по епархии, то и эта сумма также ушла на помощь отверженным. При этом, как не без тонкой иронии отмечает писатель, «епископ ревностно взимал деньги с богатых, но все до последнего гроша отдавал бедным».

Окружающие видели честность и бескорыстность своего священника. Ему стали доверять финансы. Причем, епископу не было необходимости изобретать методы убеждения в важности пожертвований и десятин. Епископ жил по «закону свободы», по «закону совершенному» (Иак. 1:25), понимая силу благодатного, доброхотного (от всего сердца) жертвования

(2 Кор. 9:7). Он знал, что расположение сердца, отсутствие огорчения и принуждения — самая благодатная почва для роста милосердия. Поэтому он не фокусировал свое внимание на финансовой стороне жизни, но показывал пример своим служением, мотивировал жертвовать других. В своей деятельности он поставил акцент на человека, личность, на внутренние побуждения и вечные цели. Он понимал, что чистая, духовно преображенная и свободная от вещизма и сребролюбия личность «не утаит из цены», не солжет Святому Духу. Именно поэтому пожертвования стали стекаться к нему со всех сторон.

«Как имущие, так и неимущие — все стучались в двери Мириэля; одни приходили за милостыней, другие приносили ее. Не прошло и года, как епископ сделался казначеем всех благотворителей и кассиром всех нуждающихся. Значительные суммы проходили через его руки, но ничто не могло заставить его изменить свой образ жизни и позволить себе хотя бы малейшее излишество сверх необходимого. Напротив. Так как всегда больше нужды внизу, чем братского милосердия наверху, то, можно сказать, все раздавалось еще до того, как получалось, — так исчезает вода в сухой земле».

СКОЛЬКО БЫ НИ ПОЛУЧАЛ ЕПИСКОП, ЕМУ ВСЕГДА НЕХВАТАЛО, И ОН ГРАБИЛ САМОГО СЕБЯ

Он также радовался, что и другие «грабят» себя. Ведь в свете учения о благодати, особенно ценно все то, что пребывает в духе свободы и любви. Поэтому и десятина (и тридцатина!) может стать благословением, если она дается по свободному изволению, от чистого сердца, без нажима. Ведь хорошо известно, что все, что в духе свободы, — нелегко делать. Намного проще, когда назначают цену. Когда же о цене молчат, начинается внутренняя борьба. И именно здесь сокрыт момент истины. Вот здесь и испытывается наше христианство, щедрость или скупость, духовность или мелочность. Важно не то, сколько мы отдаем, а сколько остается нам...

То, что у нас хорошо с видимой стороны, с невидимой часто испорчено эгоизмом, отсутствием любви. «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3). Господь учил творить милостыню втайне (Мф. 6:3-4), чтобы в нас не развивалось чувство удовлетворения от человеческих похвал. Господь знает цену тайной, внутренней радости. Большое счастье жертвовать от сердца, так чтобы никто даже не знал, чтобы левая рука «не знала», что делает правая. Жить честно и искренно — большое духовное удовольствие, и свобода духа — полет духа!

В свое время Нил Сорский, видя трагедию обмирщения церкви и «заземленное христианство», призывал: «Монастыри не должны стремиться к обогащению и пышности, облачения служителей, священные сосуды и образ жизни должны быть скромными, чтобы служители питались трудами рук своих. Одежда их должна быть самой простой, бедной. Никакой роскоши, никакого золота и серебра не должно иметь ни монахам, ни монастырю, ни священникам...». На это Нилу Сорскому было сказано:

«Ты, Нил, ошибаешься. Если такая жизнь будет в наших монастырях, то кто же из богатых бояр пойдет к нам? Никто, потому что они не смогут жить по твоим правилам...». «Ты, Нил, ошибаешься», — этот голос мы слышим и сейчас, в век диктата маммоны...

Жертвенная любовь к ближнему, сопереживание и сострадание, милосердие и благодать, фокусирование на нуждающемся, «память о нищих» — характерные качества по-настоящему красивой и зрелой личности... и красивой веры. «Стань всем слугой, отдай себя собрату. Стань скромным, необидчивым, простым, не жди возмездья, не служи за плату...», — призывает нас поэзия Веры Кушнир. Не все знают, что в свое время она принципиально отказывалась от гонораров. «Моя репутация, моя прозрачность были для меня гораздо важнее любых благ», — признавалась Вера Сергеевна уже в преклонном возрасте. «Не обогащай, не озолачивай — благами земными беспредельными», — обращалась она к Богу. «Лучше жизнь прожить в одежде нищего... Только бы к Тебе тесней приблизиться... Умалиться больше и унизиться...».

ЧИСТОТА БЫЛА ЕДИНСТВЕННОЙ РОСКОШЬЮ, КОТОРУЮ ДОПУСКАЛ ЕПИСКОП

Невозможно остаться равнодушным, читая о самоотверженном и скромном образе жизни этого слуги Бога и народа. На фоне показной роскоши жизни некоторых современных пасторов образ священника отверженных сияет, как свет в мире. «Чистота была единственной роскошью, которую допускал епископ», — отмечает Виктор Гюго. Это трогает до глубины души. Это мотивирует нас, живущих в эпоху погони за удовольствиями, в век материализма и вещизма, что-то менять в своей жизни, что-то отдавать ближнему — тому, кто в нужде, кто не имеет ничего. «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3:11), — это ответ Иоанна Крестителя тем, кто спрашивал: «Что нам делать?»

Истинная духовность — это, прежде всего, преодоление материальной заинтересованности и сосредоточенности на себе, на собственном благополучии, на своем авторитете. Духовность — это победа над эгоцентризмом...

В этом ощущение счастья и настоящая жизнь человека, которая «не зависит от изобилия его имущества» (Лк. 12:15). Надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:35). Другими словами, истинная духовность — это, прежде всего, преодоление материальной заинтересованности и сосредоточенности на себе, на собственном благополучии, на своем авторитете. Духовность — это победа над эгоцентризмом, отказ от личного комфорта и удовольствий в пользу щедрой жертвы, направленность на ближнего. Щедрость, сострадание, милосердие — вот то, что делает человека духовным. Во всем — мера и баланс, и никакой алчности,

никаких излишеств: ни в пище, ни в питии, ни в одежде, ни в развлечениях, ни в заботах житейских... К сожалению, библейское учение о благочестии и воздержании привлекает сегодня немногих, гораздо больше люди интересуются законами и секретами успеха и процветания.

Возможно, в наших домах и сердцах есть нечто такое, чем мы не пользуемся годами, но что могло бы послужить другим. Ведь есть люди, которые, ведя успешный бизнес, обладая большим достатком (дорогими домами, автомобилями и т.д.), выглядят при этом жалкими и загнанными. Другие в подобном положении превозносятся и надмеваются, унижая и презируя неимущих. В свое время их не научили, что важнее всего не сам дом, а «погода в доме», тот микроклимат, который могут создать только просветленные души. Там же, где властвует маммона, чаще всего неуютно. Хочется ли возвращаться в такие дома?

Прав был блаженный Августин, сказавший: «Ты создал нас для Себя, и наши сердца мнутся, пока не успокоятся в Тебе». Не одним хлебом живет человек — это правда. Как правда и то, что современный человек занимается накоплением, накоплением и накоплением. Теряет нередко совесть и вечные ценности, обманывает государство и наживается на простодушных ближних, спекулирует даже фондами милосердия. «Мы теряем Царство Небесное из-за незначительных вещей», — писал Франциск Ассизский. И чтобы не лишиться этого Царства, мы должны сознательно подавлять в себе склонность к накопительству и стремление обладать все большими материальными благами, если они мешают нам войти в Его присутствие.

«Пир во время чумы» — так называется одна из «Маленьких трагедий» Александра Пушкина. В идиоматическом смысле это — разгульное веселье на фоне общего бедствия, которое, несомненно, затронет и легкомысленных пирующих. Сегодня в наше сознание вселяют призрачную «американскую мечту». Мы заразились духом материализма и забыли о ближних, о сладости жизни в перспективе Вечности, у Его ног. Мы часто надеваем маску напускного счастья, пытаюсь «не потерять лицо» друг перед другом. А внутри — боль и горечь... Мы забыли, что грусть — не порок, что постоянная улыбка отнюдь не свидетельствует об эмоциональной зрелости. На все — своя причина... Ведь печаль ради Бога может привести к покаянию. Иногда и при смехе болит сердце, и радость бывает со слезами на глазах. Жизнь многолика. Наш бич — не голод и война, нас уничтожает духовный хаос, потребительство и вседозволенность...

ОН НЕ ПРИШЕЛСЯ КО ДВОРУ

«Немного времени спустя после возведения Мириэля в епископский сан, император пожаловал ему.. титул барона империи... Мириэль был приглашен Наполеоном на совет епископов Франции и Италии, созданный в Париже. Синод этот заседал в Соборе Парижской Богородицы. В числе девяносто пяти явившихся туда епископов был и Мириэль. Однако он присутствовал всего лишь на одном заседании и на нескольких частных совещаниях.

Епископ горной епархии, человек, привыкший к непосредственной близости к природе, деревенской простоте и лишениям, он, кажется, высказал в обществе этих высоких особ такие взгляды, которые охладили температуру собрания... Он пришелся не ко двору. Он наговорил там немало странных вещей...». Как видно, епископ не вписался в систему порочных взглядов и ценностей высшего духовенства, не сработался с теми, кто давно забыл, что такое христианство. Священническая элита его отвергла. Собственно говоря, он и не стремился к особому положению среди великих мира сего. Он оставался самим собой. Преображенный Господом, «бывший грешник» давно полюбил «последнее место», ибо там он нашел Христа. «Раб ничего не стоящий», но употребляемый Богом на служение, желанный гость отверженных...

Путь к высокой и заветной, духовной цели порой мучительно тернист и извилист, но дорогу осилит идущий. Несмотря на преграды, нужно неустанно двигаться вперед! Особенно тогда, когда лед жизни трещит и ломается под ногами...

Невежество, узость духовного кругозора, нечестность, пресмыкательство, трусость — все эти качества уничтожают служителя. Желание «состояться» любой ценой, «показать себя», стремление «прийтись ко двору» посредством отречения от принципов, погубили не одного священника. Забыто извечное, сформулированное философами древности: «Да, ты мне друг, но истина дороже!» Современный человек, слепо следуя советам идеологов успеха, научился льстить и быть «политически корректным». Искусство оболъщения простодушных сердец, артистизм и имитация духовности даже в церкви удивляют сегодня только некоторых. Многие этого даже не замечают. Мы забыли, что содержание определяет форму, мысль определяет фразу, а не наоборот.

В своей работе «О подражании Христу» Фома Кемпийский писал: «Много у Иисуса любителей Царства Его Небесного, но мало носителей креста Его. Много у Него искателей утешения, но мало искателей страдания. Много участников трапезы и мало участников воздержания... Не в том познается достоинство, что бывает человеку много видений и утешений, или искусен он в писаниях, или восходит на высшую ступень; но в том, что утверждён человек на истинном смирении и исполнен Божественной любви, во всем ищет славы Божьей чистотою и бескорыстною мыслью, себя самого ни во что не ставит... лучше любит быть в унижении и в презрении, нежели в почете...».

Путь к высокой и заветной, духовной цели порой мучительно тернист и извилист, но дорогу осилит идущий. Несмотря на преграды, нужно неустанно двигаться вперед! Особенно тогда, когда лед жизни трещит и ломается под ногами...

НЕТ, Я БЫ НЕ ХОТЕЛ ИМЕТЬ У СЕБЯ ВСЮ ЭТУ БЕСПОЛЕЗНУЮ РОСКОШЬ

А как-то вечером, когда епископ находился у одного из самых именитых своих собратьев, у него вырвались, между прочим, такие слова: «Какие красивые стенные часы! Какие красивые ковры! Какие красивые ливреи! До чего это утомительно! Нет, я бы не хотел иметь у себя всю эту бесполезную роскошь. Она бы все время кричала мне в уши: “Есть люди, которые голодают! Есть люди, которым холодно. Есть бедняки! Есть бедняки!”» Праведник, чья жизнь полна самоотречения, — опасное соседство: он может заразить вас бедностью, нестяжанием и скромным образом жизни. Такая воздержанная жизнь отнюдь не исключает стремления к прекрасному и эстетичному. Христианская простота — это не убогость интеллекта и отсутствие хороших манер; это не неряшливый вид, неуклюжесть и беспорядок в доме. Напротив, именно чувство меры во всем является первым признаком гармонии.

«Та душа не способна к более возвышенному созерцанию, которая стремится к земному. Глаза души не могут смотреть ввысь, если пыль земных вожделений закрывает их», — эти слова апологета христианства Тертуллиана актуальны и поныне. А мученик III века по Р.Х. епископ Киприан Карфагенский, писал: «Дух Святой обитает только в целомудренном характере».

Отречение от личной выгоды и корысти, от стяжания как славы, так и богатства, — также истинная духовность. Особенно актуально эти слова звучат в наши дни, когда некоторые христиане беззастенчиво и упорно соревнуются друг с другом за известность в своих церквах и деноминациях, борются за титулы и служения, звания и призвания. Наряду с посвященными служителями и миссионерами, которые достойны похвалы и чести (1 Тим. 5:17), существует иная категория «тружеников», которые открывают свои «служения», больше похожие на бизнес, «освещают» созданные ими же пресс-центры... Даже грешники сегодня — обязательно «великие».

«Не дай, Спаситель, волка в пастухи - Твоей больной овце, овце заблудшей...» (Григор Нарекаци, *Книга скорбных песнопений*, 1002). Трудящийся достоин пропитания, но только честный и посвященный Богу трудящийся. В наше же время ради хорошей прибыли некоторые христиане идут на компромиссы. Чтобы «не оттолкнуть» слушателей (потенциальных покупателей), им приходится «льстить слуху», приукрашивать и искажать факты, создавать легенды — и о себе, и о «действиях» Божьих... В консервативных церквах приходится быть консерватором, в либеральных — либералом. Лицемерие и лицепрятие часто становятся следствием корыстолюбия...

Мы забыли, что «великое приобретение — быть благочестивым и довольным», что «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем». Мы перестали замечать, что «желающие обогащаться впадают в искушение, и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают

людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол — сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1Тим. 6:6-11).

Похоже, что принцип тайного милосердия (без рекламы себя самого и «своего» служения!) нуждается в более частом применении на практике. И Христос однозначно указал нам на этот принцип: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми... иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного... когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры... чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне...» (Мф. 6:1-4).

Воздерживаясь от суетного и греховного, мы обретаем рай сердца, начиная жить во свете Божественного водительства. Жизнь в перспективе Вечности кардинально меняет наше отношение ко всему и всем. Ведь мы обретаем Свет Невечерний, мы обретаем Смысл...

Во время своего служения в городе Детройте (США) пастор и профессор Рейнхольд Нибур развенчивал претензии на высокую моральность Генри Форда, приобретшего репутацию щедрого работодателя только потому, что платил рабочим пять долларов в день. В 1927 году Форд выпустил на рынок новый автомобиль, снискавший огромную популярность. Однако Нибур указал, сколь мало ценился тяжкий человеческий труд рабочих фордовских заводов. Многие из них в те годы были выставлены на улицу, не имея никакого источника дохода.

Нибур обличал не только несправедливость бизнесменов. В 1929 году в «Пасторском дневнике» он рассказал о том, что одна церковь только тогда нашла нового пастора, когда подняла ему зарплату до пятнадцати тысячи долларов в год (в то время это была немалая сумма). «Они получили именно такого человека, которого хотели... Я не знаю ни одного пророка Божьего, который бы согласился на такое, однако осмелюсь сказать пророчество, что ни один грешник в этом языческом городе не выпрыгнет из своих сапог, узнав о его пришествии... Надеюсь, что новый пророк не начнет свою проповедь с темы: “Я все почел тщетою”».

К сожалению, и в наши дни многие люди живут как «дети подземелья» — во тьме, в ограниченной перспективе земного и временного. Они проводят свою жизнь «в суете и томлении духа», в погоне за призрачными целями, обольщаясь славой, богатством, накопительством, временными греховными удовольствиями, роскошью... Результат такой жизни — разочарование. Ведь только созерцание перспективы Вечности помогает нам не тонуть в мелочах повседневной жизни, особенно в греховных мелочах. Страх Божий помогает нам избегать томления духа, устремлять свой взор к горнему

миру. Отказываясь и воздерживаясь от суетного и греховного, мы обретаем рай сердца, начиная жить во свете Божественного водительства. Жизнь в перспективе Вечности кардинально изменяет наше отношение ко всему и всем. Ведь мы обретаем Свет Невечерний, мы обретаем Смысл...

Я ПРИЕХАЛ НА ОСЛЕ ПО НЕОБХОДИМОСТИ, А ВО ВСЕ НЕ ИЗ ТЩЕСЛАВИЯ

Виктор Гюго показывает читателям священника, который научился жить под девизом: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца» (*А. С. Пушкин*). Епископ «не надувал щеки», не превозносился, не почитал себя особо значимым и не уничижал других, не думал о том, как произвести впечатление на свою паству, как завоевать авторитет, достигнуть признания своего «помазания». Он просто жил и служил по-священнически, в состоянии смирения, говоря в своей душе: «Твое от Тебя Тебе приношу, Господи».

«Однажды он прибыл в старинную епископскую резиденцию... верхом на осле. Кошелек его был в ту пору почти пуст и не позволял ему какого-либо иного способа передвижения. Мэр города, встретивший его у подъезда епископского дворца, смотрел негодующим взглядом, как его преосвященство слезает с осла. Горожане вокруг пересмеивались.

— Господин мэр, и вы, господа горожане! — сказал епископ. — Мне понятно ваше негодование. Вы находите, что со стороны такого скромного священника, как я, слишком большая дерзость ездить на животном, на котором восседал Сам Иисус Христос! Уверю вас, я приехал на осле по необходимости, а вовсе не из тщеславия».

Так когда-то и Христос, «праведный и спасающий, кроткий» (Зах. 9:9), въезжал в Иерусалим. Скромность, умеренность и простота, ничего показного и лишнего, никакой гордости житейской, никакого тщеславия. При этом мудрый епископ-праведник не относился к себе с излишней серьезностью. Он умел шутить над собой и радоваться жизни, как ребенок, не забывая, что «корни всей нравственной жизни лежат в смирении. Как только уходит смирение, его место автоматически занимают тщеславие и суетные мечты» (Реинхольд Нибур).

Практическое богословие учит нас, что христианское странствие — паломничество — есть прохождение жизненного пути пред лицом Бога, в Его присутствии. Только такая жизнь исполнена смысла, независимо от обстоятельств и переживаний. Духовное паломничество — это путешествие по неизведанной области, сопряженное с риском (гонениями, страданиями, скорбью). Но паломник, однажды принявший решение жить честно, ни на что не взирает, хотя все видит; его жизнь не зависит от изобилия имени и социальных условий; он сознательно подавляет в себе склонность к накопительству и славе, умеет жить и в скудости, и в изобилии (Флп. 4:12). Ведь укрепляющий его Иисус — всегда рядом.

Для христианина скромность выражается во всем. Это и готовность противостоять тревогам и переживаниям, вызванным чрезмерным количеством дел. Это и чувство меры в развлечениях и отдыхе. Во всем — баланс и гармония. Это также отказ от утверждения, что только от нас зависит наше счастье, успех и спасение.

КАКОЙ ГРУЗ ТИТУЛОВ!

Епископ отверженных был свободен от «звездной болезни» и погони за титулами. Он не болел карьеризмом, не завидовал и не «мечтал о себе», но действительно «последовал смиренным» (Рим. 12:16). Он просто жил по учению Христа, Который сказал: «Кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугой; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк. 10:43-44).

Однажды священник получил письмо, в котором его просили присутствовать на погребении местного дворянина. Целую страницу в нем заняло торжественное перечисление не только званий покойного, но и всех аристократических титулов его родных. Епископ вскричал: «Ну и крепкая же спина у смерти! Просто удивительно, какой груз титулов беззаботно взвалили на нее люди, и как остроумно сумели они воспользоваться для утоления своего тщеславия даже могилой!»

А ведь и в наше время есть высокомерные христиане, которые любят честь и славу, «первые места на пиршествах... приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «Учитель! Учитель!»», забывая о том, что кто «возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:6-12). Есть даже служители, которые сочтут за неучтивость, если вы назовете их пастором, а не епископом, хотя это, по сути, одинаковые понятия. Мы с легкостью верим в собственную важность и исключительность, лелеем свое «я», хотя Библия увещевает верующих «думать о себе скромно» (Рим. 12:3). Не сотвори кумира... из себя самого!

В последние годы большую популярность получили имиджмейкеры, задача которых — сделать имя заказчику или опорочить его конкурента. У корпораций, конечно, все солидно и на вооружении целый набор современных коммуникативных технологий по обработке сознания. Репутация, реноме, бренд, имя — этими терминами пестрят всяческие руководства и пособия по созданию положительного портрета личности на полках книжных магазинов. Мы знаем, что такое пиар (от английского PR, Public Relations — связи с общественностью). «Сделаем себе имя» — об этом люди заботились еще во времена вавилонского столпотворения. И мы тоже научились делать «себе имя» и строить «себе башню» (Быт. 11:4). Это выражение стало даже крылатым.

Как говорят специалисты, бренд можно придумать, раскрутить, выставить на продажу... Но с брендом можно только казаться, и то временно, а с добрым именем — быть. В истории остается настоящая жизнь, сияние и чистота мудрых и благородных действий, великие свершения — то, что нужно людям.

Нередко с рекламой личности и церкви перегибают, оперируя при этом особым призванием, посланничеством и т.п. Некоторые современные лидеры стремятся создать вокруг себя ореол некой особой духовности, произвести впечатление обладания особыми секретами исцеления, учения и т.д. Есть евангелисты, которые копируют друг друга и даже крадут слова друг у друга (Иер. 23:30). Происходит имитация служения, игра в христианство. Некоторые священники, как на эстраде, пытаются имитировать голос Христа, говорить от имени Бога и даже жить «за счет Него». Это трагедия, когда в церкви устраивают шоу, а благочестие служит для прибытка...

К сожалению, среди современного священства дефицит «движения ума» и красивой мудрости. Зато так много мелочности и страстишек, самоупоения и саморекламы. Эпидемия нарциссизма поражает не только мир, она давно уже проникла и в церковную среду. Благо, что благодать Святого Духа Церковь не оставляет... Помилуй нас, Господи...

Культ личности изобрел совсем не Сталин или другой диктатор, как нас уверяют. Библия указывает на личность, которая заболела манией величия значительно раньше. Построение Вавилонской башни — яркий пример эгоцентризма человечества, подпавшего под власть оккультного мира, зараженного духом возгордившегося люцифера. «Сын зари», «помазанный херувим» говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой... взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис. 14:12-14). И было падение его великое...

Но епископ отверженных помнил, что в нем «должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе», Который «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба... Поэтому и Бог превознес Его» (Флп. 2:5-9). Епископ помнил, что «гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь» (Притч. 29:23). Господь ищет Себе «народ смиренный и простой» (Соф. 3:12), и этот человек всеми силами стремился попасть в число избранных. Казалось, что пришествие Христа для него уже «наступило»:

Ты ждешь пришествия Христа?
 А Он не уходил из мира,
 То мы ушли в глухие дыры,
 В конторы, в норы и в мундиры,
 В борьбу за вещи и места.
 А Он нас ждет, скитаясь сиром.

Лев Болеславский

ЕПИСКОП ПОМОГ ЕМУ УВИДЕТЬ СВЕТ

«**В** Дине произошел трагический случай. Один человек был приговорен к смертной казни за убийство... Весь город с любопытством следил за процессом. Накануне дня, на который была назначена казнь, заболел тюремный священник. Необходимо было отыскать другого пастыря, который находился бы при осужденном в последние минуты его жизни. Обратились к

приходскому священнику. Тот отказался, причем будто бы в таких выражениях:

– Это меня не касается. С какой стати я возьму на себя обузу и стану возиться с этим канатным плясуном? Я тоже болен. И вообще мне там не место.

Его ответ был передан епископу, и тот сказал:

– Кюре прав. Это место принадлежит не ему, а мне.

Он тотчас же отправился в тюрьму, спустился в одиночную камеру «канатного плясуна», назвал его по имени, взял за руку и начал говорить с ним. Он провел с ним весь день, забыв о пище и сне, моля Бога спасти душу осужденного и моля осужденного спасти свою душу. Он рассказал ему о величайших истинах, которые в то же время являются самыми простыми. Он был ему отцом, братом, другом только для того, чтобы благословить его.... Успокаивая и утешая, он просветил его. Этому человеку суждено было умереть в отчаянии. Смерть представлялась ему бездной... Смертный приговор потряс его душу... он видел одну лишь тьму. Епископ помог ему увидеть свет.

В современном христианстве много суеты, показного и наигранного; много никому не нужной помпезности, театральности. Мы нередко просто «играем в христианство», провозглашая, прославляя, декларируя, запрещая, связывая... А где-то совсем рядом – страждущие души, которым нужно исцеляющее слово от Господа...

На другой день, когда за несчастным пришли, епископ был возле него... Он вышел вслед за ним и предстал перед толпой бок о бок со связанным преступником. Он сел с ним в телегу, взошел с ним на эшафот. Осужденный, еще накануне угрюмый и подавленный, теперь сиял. Он чувствовал, что душа его умиротворилась, и уповал на Бога. Епископ обнял его и в тот момент, когда нож гильотины уже готов был опуститься, сказал ему:

– Убиенный людьми воскрешается Богом; изгнанный братьями вновь обретает Отца. Молись, верь, вступи в вечную жизнь! Отец наш там.

Когда он спустился с эшафота, в его глазах светилось нечто такое, что заставило толпу расступиться».

Пустая приверженность церемониям и формам, за которыми часто нет содержания – проблема многих христиан. Тот же самый недуг поражает нашу ежедневную духовную жизнь. Почему мы так делаем? Потому что так надо? Потому что так делали всегда? Мы забываем, что истинное богослужение совершается внутри человека – в духе и истине. Так поможем же ближнему увидеть не только форму и церемонию наших богослужений, но прикоснуться к благодати Святого Духа, увидеть Свет Неизреченный и вкусить от дерева Жизни, чтобы жить вечно!

ЛУЧШИЙ АЛТАРЬ – ЭТО ДУША НЕСЧАСТНОГО, КОТОРЫЙ УТЕШИЛСЯ И БЛАГОДАРИТ БОГА

«*Б*огатые прихожанки, исповедовавшиеся у епископа, и другие богомольные жительницы города Диня неоднократно устраивали складчину на устройство нового красивого алтаря для молельни его преосвященства; епископ брал деньги и... раздавал их бедным!

– Лучший алтарь, – говорил он, – это душа несчастного, который утешился и благодарит Бога».

Сегодня часто говорят о том, что в современном христианстве много суеты, показного и наигранного. Много никому не нужной помпезности, театральности. Мы нередко просто «играем в христианство», провозглашая, прославляя, декларируя, запрещая, связывая... А где-то совсем рядом – страждущие души, которым нужно исцеляющее слово от Господа. Создается впечатление явного массового успеха. Давно сказано, что на Западе ситуация духовного кризиса успешно маскируется внешним благополучием церквей и огромным объемом работы (конференций, программ, семинаров и т.д.). При этом душепопечительство в церквях «хромает на оба колена»...

Еще в 1904 году Иоанн Кронштадский писал: «Равнодушие пастырей будет последним явлением церковной жизни при необычайном развитии материальной обеспеченности. Наступит такое явление: церковь без благодати Святого Духа, пастыри, пасущие сами себя, проповедь – звуки голоса. Куда будет стремиться такая церковь? Как блуждающая комета стремится куда-то и сталкивается с другою кометою, так и блуждающая церковь... Господь преимущественно надзирает за поведением архиереев и священников, за их деятельностью просветительною, священнодейственною, пастырскою... Нынешний страшный упадок веры и нравов весьма много зависит от холодности к своим паствам многих иерархов и вообще священнического чина».

И с этим трудно не согласиться. Лучший алтарь – это душа несчастного, который утешился и благодарит Бога.

Доктор Гааз вошел в историю России как защитник обездоленных... Хорошо известен разговор доктора с митрополитом Филаретом о судьбе осужденных: «Вы все говорите о невинно осужденных, Федор Петрович, но таких нет, не бывает. Если уж суд подвергает каре, значит, была на подсудимом вина...» Гааз вскочил и поднял руки к потолку: «Владыко, что вы говорите?! Вы о Христе забыли!» Вокруг воцарилось гнетущее, тяжелое молчание... Гааз осекся, сел и опустил голову на руки. Митрополит Филарет глядел на него... потом склонил голову... «Нет, Федор Петрович, не так. Я не забыл Христа... Но когда я сейчас произнес поспешные слова... то Христос обо мне забыл».

Благодатные пастыри принимают «зрак раба смиренного». Дух благодати и умиления овладел ими. Водимые Святым Духом, изумительно сильные милостью Божьей, властвуют они над духовными детьми своими. Тихо,

безо всякой пышности и величия, приходят они в наши жизни. Приходят, чтобы спасти наши души, согреть любовью едва тлеющее, отпустить измученных на свободу. Они, подобно Христу-Спасителю, наклоняются очень низко, дабы поднять трость надломленную, перевязать ее израненные части, восстановить цельность... Они возжигают вновь пламя давно угасшей свечи; на руках своих, «на груди Своей» (Ис. 40:11) носят они «овец Христовых». Душу свою «за други своя» положили, подвиг великодушия взвалили на свои плечи...

ТЫ ДОЛЖЕН НАВЕСТИТЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!

В главе «Епископ перед неведомым светом» Виктор Гюго развивает потрясающую по своей духовной значимости драму:

«Недалеко от города, где служил епископ, в полном уединении жил один человек, имя которого в тесном мирке жителей города упоминали почти с ужасом... «Не человек, а чудовище... Страшный человек, безбожник», — говорили люди... Он жил вдали от людского жилья, вдали от дороги, в забытом всеми уголке дикой горной долины. По слухам, у него был там клочок земли, была какая-то лачуга, какое-то логово. Никого вокруг: ни соседей, ни даже прохожих... С тех пор как он поселился в этой долине, тропинка к ней заросла травой...».

Вокруг нас есть очень много людей, дорога к которым — с тех пор, как они заболели, согрешили, остались одинокими, духовно упали — также «заросла травой»... А сколько сегодня таких одиноких, страдающих, отверженных душ, которым необходимо протянуть руку помощи! «Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье», — говорят они, подобно Иову (Иов. 3:26)... Но епископ помнил о страждущем человеке и, время от времени поглядывая в ту сторону, где купа деревьев на горизонте обозначала долину страшного человека, думал: «Там живет одинокая душа».

«...Внутренний голос говорил ему: «Ты должен навестить этого человека!»... Он несколько раз направлялся в ту сторону и с полдороги возвращался обратно. Но вот однажды в городе распространился слух, что пастушонок, который прислуживал этому человеку в его норе, приходил за врачом, что старый нечестивец умирает, что его разбил паралич и он вряд ли переживет эту ночь. «И слава Богу!» — добавляли при этом некоторые. Епископ взял свой посох, надел мантию... и отправился в путь... Услышав шаги, старик повернул голову, на его лице выразилось самое глубокое изумление, на какое еще может быть способен человек, проживший долгую жизнь.

— За все время, что я здесь, ко мне приходят впервые, — сказал он. — Кто вы, сударь?»

Возможно, читая эти строки, вы уже почувствовали внутреннюю потребность, непреодолимое желание сердца позвонить человеку, который особенно нуждается в вашем общении, в поддержке и утешении. Сегодня так нужны служители, отзывающиеся на призыв «приди... и помоги нам» (Деян. 16:9). Возможно, вы чувствуете внутреннее побуждение навестить нуждающуюся семью. Сделай это вовремя, добрый человек! Это желание от

Бога. Спешите делать добро, ведь жизнь дается только один раз. Никогда не смотрите на других, не подражайте мнимому, напускному благочестию, иллюзорной жизни окружающих. Живите в Его постоянном присутствии, проживайте каждый день, как целую жизнь, ведь он может быть последним...

Будем стараться делать добро и оказывать милость всем, и более всего — своим по вере. Главное миссионерское поле — наша семья, собственная душа. «Я поехал в Америку, чтобы обращать индейцев, но, увы! — кто бы обратил меня!» — искренно признался некогда священник Джон Уэсли. Прежде чем ехать на миссию — спаси себя самого, и вокруг тебя спасутся тысячи!

НЕ СПРАШИВАЙТЕ ТОГО, КТО ПРОСИТ У ВАС ПРИЮТА,
КАК ЕГО ЗОВУТ; В ПРИЮТЕ ОСОБЕННО НУЖДАЕТСЯ
ТОТ, КОГО ИМЯ СТЕСНЯЕТ

Мириэль — это идеальный образ настоящего служителя Божьего, который обладает даром особого принятия страдающих душ. У него не было особых методов душепопечительства, он просто принимал людей такими, какими они были, и служил им своей любовью, добротой и милосердием. Это был епископ, у которого «милость торжествует над судом» (Иак. 2:13). Его жизнь и личный пример послужили ко спасению многих, в том числе спасли от безысходности главного героя романа Жана Вальжана, ожесточенного жизнью каторжника. Именно на каторге Жан был доведен до полного отчаяния. Он понимал свое положение и не нуждался в диагнозах. И без того он был расколот изнутри, душевно страдая и ища того, кто смог бы растопить его ледяное сердце. Он тосковал по человеку, который сказал бы ему: «...Где твои обвинители? Никто не осудил тебя? ...И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8:10-11). И Господь послал ему такого человека — епископа Мириэля.

Возвратившись с каторги, Жан Вальжан впервые появляется в городке, где живет епископ. Естественно, общество отвергает изгоя, его нигде не принимают, он в буквальном смысле оказывается гонимым. Он в отчаянии... Но происходит неожиданная встреча — разговор с женщиной, которая указывает страдающему путь. «Но скажите, пытались ли вы устроиться где-нибудь? Не можете же вы провести так всю ночь. Вам, наверное, холодно, вы голодны. Кто-нибудь мог бы приютить вас просто из сострадания», — говорит она.

«Я стучался во все двери». — «И что же?» — «Меня отовсюду гнали». Добрая женщина прикоснулась к плечу незнакомца и указала ему на низенький домик, стоявший по ту сторону площади, рядом с епископским дворцом. «Вы говорите, что стучались во все двери?» — еще раз спросила она. — «Да». — «А в эту?» — «Нет». — «Так постучитесь».

Он постучал... И ему открыли. У него не стали узнавать имя, ибо когда-то на полях своей Библии епископ записал: «Не спрашивайте того, кто просит

у вас приюта, как его зовут. В приюте особенно нуждается тот, кого имя стесняет». Мы часто забываем, что, как выразился Рейнхольд Нибур, «человек не может обрести себя, если не обретет опоры вне себя».

Не оттого ли все наши беды, что мы все дальше и дальше не просто уходим, а улетаем от Источника Жизни? Не оттого ли, что мы все больше и больше внутренне, духовно сиротеем, надеясь на себя и собственные силы, свою духовность и религиозные программы? И водительство свыше для нас — чисто теоретическое, на уровне провозглашений. Но излученные нами акустические волны быстро затухают, в них нет духа жизни. А в реальной жизни — пустота, неудовлетворенность и горечь, даже при материальном благополучии и «стечении народа». Ведь душа без Бога — сирота. Наша достаточность — только в Нем! Без Бога и церковь сирота. Без присутствия и действия Его Святого Духа церковь превращается в бюрократический институт, бизнес-структуру, пыльный музей, клуб по интересам... Не покидай нас, Господи!

МИЛОСТЬ СЯЩЕННИКА БЫЛА САМЫМ ГРОЗНЫМ НАПАДЕНИЕМ, КОТОРОМУ ОН КОГДА-ЛИБО ПОДВЕРГАЛСЯ

*Б*лагодаря епископу бывший каторжник стал достойным, уважаемым человеком. Его жизнь всегда «освещали» подаренные Мириэлем серебряные подсвечники, которые он попытался сначала украсть, но епископ спас вора от новой каторги. Этот поступок потряс Жана Вальжана. Ожесточенный несправедливостью, которую он всегда испытывал в обществе, привыкший к ненависти, Жан Вальжан смутно сознавал, что «милость священника была самым сильным наступлением, самым грозным нападением, которому он когда-либо подвергался». Увидев человеческое отношение со стороны епископа, он «совсем перестал понимать, что с ним происходит», он был «ошеломлен и как бы ослеплен... подобно сове, увидевшей вдруг восход солнца», — отмечает Виктор Гюго. И как голос с неба, прозвучали в его сердце властные слова епископа: «Жан Вальжан, брат мой! Вы более не принадлежите злу, вы принадлежите добру. Я покупаю у вас вашу душу. Я отнимаю ее у черных мыслей и духа тьмы и передаю ее Богу...».

Перед такой духовной властью устоять невозможно. И ледяное сердце бывшего каторжника растаяло. «Сердце его не выдержало, и он заплакал. Он плакал в первый раз за девятнадцать лет... Сколько часов проплакал он? Что сделал после того, как перестал плакать? Куда пошел? Это осталось неизвестным. Достоверным можно считать лишь то, что один кучер около трех часов утра видел, проезжая по Соборной площади, какого-то человека, который стоял на коленях прямо на мостовой и молился во мраке у дверей дома монсеньера Бьенвеню». Покаяние бывшего каторжника произошло втайне, но было принято Богом и впоследствии стало явным и ярким, как восход солнца.

В РАБСКОМ ЗРАКЕ ИДЕТ ХРИСТОС!

Меня всегда интересовала практическая сторона христианской жизни и служения. Возможно, именно поэтому я люблю практическое богословие. Возможно, именно поэтому я воспользовался историей жизни священника из романа «Отверженные». Верю, что современной церкви совсем не обязательно быть многочисленной, чтобы влиять на общественные процессы. Верю, что сила и авторитет настоящего епископа не только в его образованности и титулованности.

Настоящее епископство (служение) — это, прежде всего, дар свыше, призвание и избрание. Это водительство Духом, если хотите, связанность Духом. Это огонь, пылающий в сердце служителя. И этот огонь не сгорает, его невозможно удержать! Потоки света излучает такой служитель, реки живой воды текут из его души, он мудрым словом подкрепляет изнемогающего, хотя, как и Сыну Человеческому, нередко ему самому негде приклонить голову.

Градус нравственного состояния современной церкви неуклонно падает, а общество скатывается в глубокую пропасть бездуховности. Главные христианские добродетели отходят на задний план, житейское же благополучие и комфорт, материальные ценности, внешний успех и все нетрадиционно-извращенное — набирает силу.

Задача служителя — оказать спасительное влияние на разлагающуюся культуру. Для этого Богу нужны священники, которые, по выражению Павла Флоренского, «одухотворены и пронизаны внутренним светом». «Это личности, от простых, незатейливых слов которых веет тишиной, умилением для больной, усталой души. Они льются в сердце целебным бальзамом, залечивая наболевшие раны. Они часто незаманчивы видом, негармоничны и, может быть, почти неуклюжи. Но в рабском зраке идет Христос...».

К сожалению, современные христиане незаметно заражаются духом прагматизма, неразборчиво стремятся к тому, что приносит быстрый успех. В результате верующие оказываются в сетях мирского, меркантильного духа, в стороне от Божьих моральных стандартов и принципов, в погоне за высокими показателями массового обращения и количественного роста общин. Епископ Феофан Затворник, размышляя о будущем христианства, писал, что наступят времена, когда «имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это — одна видимость, внутри же отступление истинное... Того и гляди, вера наша совсем испарится — епископы всюду спят...».

Градус нравственного состояния современной церкви неуклонно падает, а общество скатывается в глубокую пропасть бездуховности. Главные

христианские добродетели отходят на задний план, житейское же благополучие и комфорт, материальные ценности, внешний успех и все нетрадиционно-извращенное — набирает силу. По выражению русского философа Николая Бердяева, христианство становится «дряхлым и ветхим», а политизированная церковь перестает быть совестью общества...

Но ведь внутреннюю убогость духа невозможно компенсировать красноречием, риторикой и помпезностью шоу-богослужений. Есть проповедники (епископы), которые, по выражению Гоголя, много говорят и жестикулируют, иной «бьет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает (у слушателей, — *Авт.*) скоро высыхающие слезы». Но есть и другой тип проповедников. Они немногословны, но у них потрясающий голос, исходящий из души, в которой умерли все желания мира. Именно такой проповедник, движимый Духом Божиим, способен оказать реальное влияние на душу человека. Он влияет на народ духовной силой, исходящей изнутри. Он не говорит еще ни слова, а потрясенный народ уже готов сказать: «Не произноси слов: слышим и без них святую правду твоей церкви!»

— НЕ ПОЗВАТЬ ЛИ СВЯЩЕННИКА?..

— У МЕНЯ ОН ЕСТЬ...

Священник Мириэль произвел на бывшего каторжника Жана Вальжана столь сильное, неизгладимое впечатление, что остался в его сердце навсегда. Узами любви и милости он «связал» душу этого человека навеки, ибо, любя других, мы обретаем, отдавая — получаем. Вот почему, даже перед лицом смерти, уже будучи готовым к переходу в вечные обители, на вопрос заботливой старухи «не позвать ли священника», умирающий спокойно и уверенно ответил: «У меня он есть». Затем «поднял палец, словно указывая на кого-то над своей головой, видимого только ему одному...».

Таких священников ищет сегодня Бог. Таких священников ожидают отверженные.

* * *

В наше время много говорят и спорят о том, какие священники или как теперь модно говорить — лидеры, нужны христианству сегодня. Семинары проводят, курсы читают, книги пишут. Но от того, что мы вооружены научными терминами, системно мыслить умеем и стратегию знаем, похоже, мало что в практике меняется. «Сталкиваясь с серьезными вопросами и вызовами современной жизни и миссии... церковь оказывается либо в состоянии паралича и безмолвия, либо в состоянии кризиса и конфронтации» (прот. Леонид Кишковский). Может быть настала пора не рациональными методами лидерство описывать, а посмотреть на него сквозь призму литературы и... правды жизни тех, кто на самом деле уподобился Христу, и кого даже после смерти не забывают отверженные...